

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

ПИСЬМО

С ТОГО
БЕРЕГА

Элина Коган и Богдан Апостолов

Анна Князева

Письмо с того берега

«Автор»

2023

Князева А.

Письмо с того берега / А. Князева — «Автор», 2023 — (Элина Коган и Богдан Апостолов)

Бывшая сотрудница израильской военной прокуратуры, а ныне хозяйка детективного агентства, Элина Коган прилетает в Санкт-Петербург на юбилей своей подруги, профессора-лингвиста Нинель Николаевны Астаховой. Там она встречает Богдана Апостолова, ее любимого человека, который некогда изменил и теперь ищет примирения. Возвращаясь из ресторана в гостиницу, Элина подбирает в такси небольшой листок с графическим оттиском и текстом на французском языке. Таксист поясняет: перед ней в машине ехали два подвыпивших мужчины, которых он забрал от клуба коллекционеров. Всю дорогу они спорили о подлинности этого письма. Владелец раритета утверждал, что письмо написал офицер наполеоновской армии. По мнению другого оно было подделкой потому, что осенью 1812 года армия Наполеона спасалась бегством, и ее почтовые службы бездействовали. В попытках вернуть хозяину раритет, Элина и таксист едут к его дому и видят, как он выпадает из окна. Элина просит помощи у Богдана Апостолова. Когда они узнают об исчезновении второго пассажира такси, то понимают - в их руках находится опасный документ. Одновременно с полицией Элина и Богдан проводят свое расследование, во время которого их ждет невидимое, но мощное противодействие. В действительности, эта загадочная история началась в далеком 1812 году близ Несвижского замка, родового владения князей Радзивиллов. Там два офицера противодействующих армий стали участниками исчезновения священных реликвий - золотых апостолов из сокровищниц князей Радзивиллов.

© Князева А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Князева

Письмо с того берега

Все персонажи и события романа вымышлены, любые совпадения случайны...

От Автора

* * *

«В ясные, зимние ночи, в глубине морозно-синяго неба, в России появилась комета. Толковники-грамотеи из народа объясняли, что это «планида ходит по аэру» народ же просто называл ее «хвостатой звездой», или «звездой с помелом» и, вздыхая, говорил: «не к добру все это: пометет она землю русскую!» Состояние умов было тревожное; все ждали не то голода, не то мора, но в большинстве общее мнение склонялось к тому, что «быть войне! быть войне великой!» Это ожидание было между тем и всеобщим желанием¹».

Петр Петрович Дирин

¹ Явление «Хвостатой звезды» случилось в 1811 году, перед войной с Наполеоном Бонапартом.

Глава 1

Ненужная встреча

Прибывший поезд медленно дотянулся до места и дрогнул в последней смычке. Вагонные двери открылись, освобождая дорогу, и пассажиры вырвалась на платформу.

Последней из вагона вышла Элина Коган, красивая молодая женщина с грустными глазами, спокойным лицом и вьющимися каштановыми волосами. Она подхватила багажную сумку и зашагала к Московскому вокзалу. Уловив настойчивый запах кофе, решила было зайти в кафе, но тут же передумала – времени оставалось в обрез.

Элина пересекла вестибюль вокзала и вышла на площадь. Взглянув на стальное небо, втянула ноздрями пахнущий морем воздух и окунулась в атмосферу великого города, как будто переступила не только порог железнодорожного вокзала, но и порог самого времени.

Вокруг царила страшная суета, полная торопливых шагов, скрипа чемоданных колес, и громких голосов. Элина будто не слышала, стояла, застыв во времени, где каждый вздох, каждое мгновение казались вечностью. Она ощущала прочную связь с этим городом.

Вскоре прибыло такси, и Элина села в автомобиль.

– Английский проспект, пожалуйста. К ресторану «Бильбао».

– Знаем такое место... – водитель тронул машину и встроился в автомобильный поток на Гончарную улицу. Площадь со стелой и круглым павильоном метро осталась далеко позади.

– В отпуск или по делам? – поинтересовался водитель.

– На юбилей к подруге. – Ответила Элина.

Таксист поправил зеркало заднего вида, чтобы рассмотреть пассажирку.

– Юбилей бывает у стариков.

– Ей – семьдесят пять, она – университетский профессор.

– А говорите подруга...

Элина чуть улыбнулась и ограничилась ничего не значащей фразой:

– Подруги бывают разными.

Водитель был прав, Нинель Николаевна не приходилась ей подругой в обычном понимании этого слова, скорее приятельницей и соучастницей опасного приключения во время круиза по Средиземному морю² в компании Богдана Апостолова...

«Стоп!» – Элина качнула головой и посмотрела в окно. О Богдане она предпочитала не думать.

Автомобиль выскользнул из артерии Введенского канала и свернул на Фонтанку, в которой отражались кружевные мосты. Вечерний розовый свет уже окутал город нежной вуалью и, казалось, что он стоит на грани двух разных миров.

Элина очень любила Санкт-Петербург, но в подражание отцу, называла его Ленинградом. Название отдавало леденцами, и лично для нее не имело ничего общего с вождем мирового пролетариата, а напоминало жестяную коробку от ландрин монпансье, хранившуюся в их московской квартире.

Однажды, когда Богдан заметил ее на полке...

Элина бессознательно замотала головой и приказала себе не вспоминать о Богдане. Перехватив любопытный взгляд водителя, она объяснила свою реакцию:

– Холодно, убавьте кондиционер.

С Фонтанки автомобиль свернул на мост и въехал на Лермонтовский проспект. За окнами проплывали невысокие дома со скульптурами, множество фигурных козырьков и

² Книга «Пылающий символ».

характерные для Питера зарешеченные подворотни. Казалось, дома подпирают друг друга плечами, словно старые друзья, совместно пережившие радости и невзгоды.

«Радости и невзгоды», – мысленно повторила Элина, и ей вспомнился только один человек – Богдан Апостолов.

Она посмотрела на часы и беспокойно заерзала на сиденьи:

– Долго нам еще ехать?

– Минуты две, может, меньше. – Успокоил ее водитель. – Направо через мост, и будет вам Английский проспект.

Так и вышло, через минуту автомобиль затормозил у ресторана «Бильбао».

Гардероб, по счастью, работал. Отдав гардеробщику дорожную сумку, Элина поспешила в банкетный зал, где к тому времени было уже многолюдно. Торжество проходило в формате фуршета, виновницу торжества, Нинель Николаевну в толпе гостей не было видно.

Наконец Элина заметила юбиляршу и направилась к ней, заранее приготовив коробочку с бантом.

– Элина, дорогая! – профессорша двинулась навстречу, распахнув свой шелковый палантин, обязательный атрибут, без которого ее невозможно было представить. – А я уж думала не приедешь!

Они обнялись, и Элина вручила подарок.

– Простите, что без цветов. Только что с поезда.

– Цветов достаточно, дорогая. – Нинель Николаевна отступила назад и окинула взглядом Элину, словно любуясь. – Как давно мы не виделись! Где ты остановилась?

– В «Венеции» на Марата³, но еще не заселилась. С поезда – сразу сюда.

– Как жизнь? Как дела? – участливо поинтересовалась профессорша.

Вопрос был обобщенным, но Элина безошибочно распознала, что именно ее интересует.

– У меня все прекрасно. Вот, решила сменить работу.

– Нашла другую?

– Можно сказать и так... – многозначительно проронила Элина. Немного затянув, она выдала главное: – С Богданом мы разошлись.

– Ай-ай-ай... – Не то осуждая, не то сокрушаясь, покачала головой Нинель Николаевна. – Вы были прекрасной парой. И, главное, так любили друг друга.

После этих слов профессорши Элина вдруг поняла, чего хотела в эту минуту больше всего.

Заметив ее беспокойный, ищущий взгляд, Нинель Николаевна обронила:

– Богдана здесь нет.

– Меня это не касается. – Пожала плечами Элина.

Профессорша пояснила:

– Я пригласила его, но он не приехал.

Оглядевшись, Элина заметила, что зал оформлен в тропическом стиле. Декорации воссоздавали заросли джунглей и ровный песчаный берег. В кадках, расставленных здесь и там, высились пальмы и диковинной формы папоротники. Среди гостей сновали официанты с подносами ананасов, папайи и манго. Однако впечатление о тропическом побережье, было довольно смазанным.

– Не буду вас отвлекать. Позже договорим. – Элина обняла Нинель Николаевну и отошла к фуршетному столу. Там взяла тарталетку и бокал шампанского.

В ту же минуту Элина услышала то, чего никак не могла слышать – шаги в удаленном коридоре, который вел к банкетному залу. Она различила их каким-то внутренним чутьем, который был сродни животному чувству.

³ Марата – улица Марата.

Медленно обернувшись, Элина вперилась взглядом в пространство между гостями. Шаги настойчиво приближались, казалось, что сама судьба проверяет ее на стойкость и верность принятому решению.

И тут Элина увидела его – Богдана Апостолова, человека, который так много значил в ее судьбе, и который сыграл с ней в злую игру – в любовь и предательство. Весь его облик, лицо и походка выражали уверенность в себе. Темноволосый, загорелый и стройный, болгарин был таким же красивым и гордым, как его родная земля.

Появление Богдана вызвало заметное оживление. Его харизматичная внешность привлекла множество взглядов. А, когда он сверкнул белозубой улыбкой, то растопил даже самые холодные женские сердца.

В нем было все, что нравится женщинам: внешняя красота, лоск и прекрасные манеры. Эти атрибуты делали Богдана неповторимым. Для Элины он сам, и воспоминания о нем, были словно рваные шрамы на теле, которые навсегда останутся воспаленными. Но самое ужасное заключалось в том, и Элина безоговорочно признавалась себе в этом, что она ждала и хотела встречи с Богданом.

Так, под сводами банкетного зала случилась неизбежная встреча: две судьбы, переплетенные предательством и страстью, вновь оказались рядом.

Заметив Элину, Богдан зашагал к ней. Приблизившись, крепко взял ее за руки, будто опасаясь, что она сбежит.

– Я знал, что найду тебя здесь! – В глазах болгарина сверкнуло отчуждение и решимость. Для Элины это были глаза любимого человека, который видел ее насквозь.

Она резко отстранилась и нервно глотнула воздуха, как будто ей предстояло броситься в ледяную воду.

– Думаю, для начала тебе следует подойти к Нинель Николаевне.

– Потом. – Богдан чуть пригнулся, чтобы заглянуть ей в глаза. – Почему не отвечала на звонки?

– Ты звонил? – с деланным безразличием спросила Элина.

– Брось кривляться! Я звонил тысячу раз!

– А ну-ка, сбрось обороты.

Перехватив разочарованный взгляд Элины, Богдан переменялся в лице. По нему было видно – он чувствовал себя виноватым и знал, что может окончательно потерять женщину своей жизни.

– Прости меня, Элина! Умоляю, прости!

– Мне надо отыскать Нинель Николаевну... – Элина хотела уйти, но Богдан ее удержал.

– Прошу, выслушай меня. – Его голос дрожал как лист на ветру. – В этом мире так много страстей и соблазнов... В конце концов, я не первый, кто совершил ошибку! Но я не ищу себе оправданий. Признаюсь, был слаб и поступил с тобой подло. Но ты – моя жизнь, ты моя радуга в серых буднях.

– Твой русский заметно улучшился. – Горько усмехнулась Элина.

– Чехова читаю, «Дом с мезонином».

– И это заметно.

– Не смей передергивать! – вскрикнул он.

Они метали друг в друга фразы, похожие на острые камни. Говоря языком Чехова, это был неистовый танец чувств, которые до сих пор не утратили своей страсти.

Наконец, Элина сказала:

– Нам не о чем больше говорить. Ты предал меня, Богдан.

«Боже мой!» – пронеслось у нее в голове. – «Зачем я это сказала?! Он уйдет, и тогда – конец. О, моя проклятая гордость!».

Вся правда заключалась в том, что Элина до сих пор безумно его любила.

- Пстой. – Богдан сделал шаг и обнял ее. – Я все время думаю о тебе.
- Выкинь это из головы. Живи, как привык.
- Ты убиваешь нашу любовь! – в его голосе прозвучало отчаяние.
- Этот грех проститься мне быстрее всего. – Элина вырвалась из рук Богдана, сказав на прощанье: – Передай Нинель Николаевне мои извинения. Я устала, еду в гостиницу.

Глава 2

Открытка

Дождь моросил слабо и нудно, Элина неуютно поежилась и достала телефон, чтобы вызвать такси. Через несколько минут поймала себя на том, что бесцельно вышагивает туда и обратно у ресторана «Бильбао».

Богдан Апостолов не догнал ее, не попытался объясниться, и это было обидно, хотя во многом упростило ситуацию.

Шаги Элины были стремительны, как будто собственные мысли гнали и гнали её вперед. Внезапно, вспомнив о чем-то важном, она вернулась в ресторан.

Увидев, как резко открылась дверь, гардеробщик вздрогнул от неожиданности и, проследив за её взглядом, направленным на полку, где стояла дорожная сумка, молча ее отдал.

Элина вернулась на мокрый тротуар и, заметив такси, по-быстрому забралась в салон.

– Отель «Венеция» на Марата!

– Ну, вот, поди ж ты! – водитель обернулся и с улыбкой продолжил: – А, ведь это я привез вас сюда!

– В самом деле? – равнодушно проронила Элина.

Она узнала таксиста, но в тот момент ее волновало другое. Слезы текли по ее щекам, как дождевые капли по стеклу. Элина плакала оттого, что сама разрушила свою жизнь – безвозвратно потеряла того, кого любила больше всего.

Автомобиль тронулся, переехал через мост и двинулся по улицам города, разделяя судьбы двоих влюбленных, которые ненадолго встретились на перекрестке времен и навеки расстались.

Вот так грустно, почти по Чехову.

Элина помотала головой, отгоняя грустные мысли. Решив опустить дорожную сумку на пол, вдруг заметила под ногами полиэтиленовый пакет.

Она подняла пакет и сунула руку внутрь, достала кусок бумаги в четверть формата. Это был мягкий картон с неровными, истрепанными краями. На одной стороне карточки – раскрашенная вручную гравюра с потускневшими красками, на другой – рукописный французский текст.

– Послушайте, – обратилась Элина к таксисту. – Здесь что-то забыли.

– Где? – он обернулся.

– Вот! – Элина показала бумагу. – Это валялось под ногами.

– Ах, ты ж черт! – водитель резко затормозил и ударил руками по рулю. – Те два чудика обронили!

– Кто? – переспросила Элина.

– Два подвыпивших типа. Забрал их с поребрика от ресторана «Коломбо» на Римского-Корсакова и отвез на Красуцкого три. Они всю дорогу спорили об открытке, которую написал наполеоновский солдат. Один говорил: это подлинник, другой – быть такого не может. Вот и dospорились, что все растеряли. Выпивши были оба.

– Станный спор, знаете... – задумчиво обронила Элина. – Несвойственный для пьяных мужчин.

– И что характерно, – продолжил таксист. – Ехали с чемоданами. Надо заметить, очень за них тряслись – в багажник сами поставили.

Элина ненадолго задумалась.

– Надо бы вернуть письмецо хозяину. Есть его телефон?

– Я ж говорю – взял их с поребрика. Откуда у меня телефон?

– Что же нам делать? – озадачилась она.

– Мое дело везти. – Сообщил водитель. Машина тронулась, и он сосредоточился на дороге. – Не впутывайте меня в эти ваши дела.

– В том-то и дело, что, если бумага ценная, искать будут вас. Это я вам как юрист говорю.

– Плевать! – неожиданно злоотреагировал таксист. – Я ничего не видел. Кто потерял, тот и виноват.

– Зря вы так...

– Ну хорошо! – крикнул он. – Едем на Красуцкого. Только вы поедете со мной! А то еще обвинят меня в воровстве!

Элина взглянула на часы.

– Мне нужно заселиться в гостиницу до одиннадцати.

– Успеем!

На адрес прибыли минут через двадцать, когда уже прилично стемнело. Водитель без-
ошибочно определил подъезд, в котором скрылись два его пассажира, и указал рукой, не
выходя из машины.

– Здесь!

Элина спросила:

– Крайний?

– Последний, – уточнил таксист. – Что будете делать дальше?

– Для начала постоим, может быть, они нас заметят. – Она распахнула дверцу и смерила
взглядом многоэтажку. – Но это маловероятно.

– Спросить бы у кого. Мужики приметные: седые, бородатые, в пестрых рубашках.

– Здесь не у кого спрашивать.

– Заметьте, не я это предложил. Вы все затеяли, вам и разбираться. – Недовольно огрыз-
нулся водитель.

Элина выбралась из машины и оглядела пустынный двор. В темноте, многоэтажные дома
высились безликими гигантскими монолитами. Было ясно, искать пропавших пассажиров в
этих бетонных джунглях бессмысленно.

Она обернулась к таксисту, лицо которого выражало такую же растерянность, что и её
собственное.

– Что будем делать?

Он пожал плечами и открыл рот, чтобы заговорить, но испуганно смолк. Вдалеке, на
верхних этажах, раздался пронзительный звон разбитого стекла. Элина и водитель перегляну-
лись, их взгляды встретились в тот момент, когда до них долетел крик. Это был крик боли и
ужаса, от которого стыла кровь.

Элина бросилась к подъезду, таксист последовал за ней, готовый к любому развитию
событий. Но в тот момент, когда они подбежали к входной двери, на газон рядом с домом глухо
шмякнулось тело.

Сменив направление, Элина устремилась туда. При тусклом свете подъездного фонаря
сумела разглядеть, что это был седой бородатый мужчина в пестрой рубашке.

Водитель опасливо приблизился к телу и вдруг закричал:

– Е-мое! Так это же тот самый чудик!

– Один из двух пассажиров? – догадалась Элина.

– Тот, кто размахивал бумажкой и орал, что это подлинник. Я рассмотрел его в зеркале.

– Хотелось бы знать, где второй. – Проговорила она.

– Ну и впутали же вы меня в дельце, – свистящим шепотом произнес таксист и медленно
попятился к автомобилю.

Через мгновение хлопнула дверца и завелся мотор. Элина оглянулась и увидела красные
огоньки отъезжавшей машины, а на поребрике – свою дорожную сумку.

Теперь, оставшись одна у тела мертвого незнакомца, Элина вдруг поняла, что эта ночь стала началом чего-то нового.

Дальнейшие события развивались в ожидаемой последовательности: Элина позвонила в полицию, потом рядом с ней остановился прохожий, после чего из подъезда начали выходить соседи.

Люди плотным кольцом окружили мертвеца и, вытянув шеи, шепотом обменивались мнениями.

– Мужик из четырехста восьмидесятой? – предположил один из них.

– Нет, не он, – возразила женщина. – Этот живет в четырехста восемьдесят четвертой на шестнадцатом. Давно арендует эту квартиру, но бывает не часто, наездами.

Начиная с того момента, когда уехал таксист, Элина добросовестно снимала на видео все, что происходило вокруг: двор, окна, подъезд, соседей и проходивших мимо людей. Как человек, имеющий опыт, она была уверена в том, что даже некачественная, темная запись может пригодиться в ходе расследования.

Вскоре на место происшествия прибыла оперативная группа, состоявшая из нескольких человек. Суровые взгляды и оклики полицейских заставили зевак расступиться и не мешать работе профессионалов. Тем не менее люди не расходились, а в молчаливом ожидании внимали происходящему.

Дежурный следователь, немолодой, щуплый человек, громко спросил:

– Свидетели есть?!

Несколько человек охотно потянулись к нему, но он строго предупредил:

– Остаться попрошу только тех, кто видел момент падения.

Таких оказалось двое: Элина и тихая старушка лет восьмидесяти. Они придвинулись ближе, отделившись от группы зевак.

В ожидании допроса старая женщина поделилась:

– Живу в доме напротив. Сидела у окна, когда этот бедняга выпал.

– Он был один?

– Этого не скажу. Свет в его комнате горел. – Она задрала голову. – Да он и сейчас горит. То ли штора там была, то ли кто-то стоял за его спиной, толком не разглядела. Он сначала закричал, а потом его будто столкнули.

– До этого я слышала звон разбитого стекла. – Проговорила Элина.

– Что было, то было, – подтвердила старушка.

Потом они молча наблюдали за тем, как криминалист, распотрошив свой чемодан, осматривал труп в свете фар полицейской машины.

Следователь, тем временем, раздавал поручения оперативникам:

– Дозвонитесь до квартирной хозяйки. Говорят, она проживает где-то поблизости. Пусть срочно едет сюда и откроет дверь. Квартира заперта изнутри, на взлом ордера нет. До сих пор неизвестно, есть ли там кто-то еще.

– Вместе с погибшим в квартире был еще один человек. – Решительно заявила Элина. Гипертрофированное чувство ответственности заставило ее обратиться к следователю. – Мне есть, что рассказать. Это я звонила в полицию.

Тот смерил Элину критическим взглядом.

– Видели, как упал?

– Не только.

– Идемте в подъезд, там светлее.

На свету, в подъезде, он вытащил из куртки блокнот и ручку.

– Дежурный следователь Терехин. Вы кто такая?

– Элина Павловна Коган, тридцать один год. Проживаю в Москве. – Она продиктовала свой полный адрес, данные паспорта и номер телефона.

Следователь оценил ее выучку:

– Вы подготовленная.

– Дело в том, что я отчасти ваша коллега. – Заметила она.

– Почему отчасти? – спросил он.

– Я – бывший следователь военной прокуратуры...

Не дав ей договорить, следователь озадаченно вскинул брови:

– Ого!

– Военной прокуратуры Израиля. – Договорила Элина.

– Ого... – на этот раз восклицание прозвучало, как сдвигшийся шарик. – Что можете показать по существу дела?

Элина протянула найденный пакет:

– Все началось с этого документа. Я вызвала такси и обнаружила его под ногами. Таксист сказал, что бумагу скорее всего потерял предыдущий пассажир... Впрочем, их было двое.

– Прошу отвечать по существу, – перебил ее следователь.

Но Элина упрямо продолжила:

– Прошу меня выслушать. Таксист привез меня сюда, чтобы отыскать пассажиров и вернуть им утерянный документ. Потом один из них выпал из окна, и таксист его опознал.

– И где этот ваш таксист?

– Уехал. Но я запомнила регистрационный номер машины. – Элина сделала шаг навстречу, взяла у следователя ручку и быстрым росчерком записала номер в блокноте. – Вот!

– Ну, предположим. А что, если это был другой пассажир, который ехал до или после этих двоих?

– Такую вероятность исключить невозможно.

– Вот видите...

– Так вы заберете эту бумагу? – для пущей убедительности Элина потрянула пакетом.

– Зачем?

– Она может оказаться уликой.

– Нет, не заберу. – Наотрез отказался следователь.

– Вы совершаете ошибку.

Он посмотрел на нее снисходительным и немного уставшим взглядом.

– Уж, не знаю, как там в Израиле, но мы здесь делом занимаемся, а не сбором макулатуры.

У вас есть что-то еще?

– Я уже говорила, что погибший приехал не один. С ним был пожилой мужчина в похожей пестрой рубашке. При них имелось два чемодана, которыми они чрезвычайно дорожили.

– Со слов таксиста? – Не дожидаясь ответа, следователь вынес вердикт. – В таком случае с ним и поговорим. Так сказать, без посредников. – Он сунул блокнот в карман и двинулся к распахнутой двери. – Можете идти. Вы свободны.

– Постойте! – Элина сбегала по ступеням и нагнала его во дворе. – Я записала на видео все, что происходило во дворе с момента падения тела до вашего приезда.

Терехин остановился:

– В такой темноте?

– Давайте, перешлю, наверняка пригодится. Но это займет какой-то время, файл довольно тяжелый.

– Не стоит. – Продолжив, он понизил голос. – Я всего лишь дежурный следователь. Завтра утром передам материалы дела «важняку», вот с ним и общайтесь. Если сочтет нужным, заберет у вас запись.

– Как его найти? – поинтересовалась Элина.

– В деле будет ваш телефон.

На этом Терехин окончательно закончили разговор.

Мертвец все еще лежал на газоне в свете автомобильных фар. Криминалист отщелкал последние фотографии, тело упаковали в мешок и погрузили в труповозку. Это был последний раз, когда Элина видела хозяина раритетной открытки.

Какое-то время, еще минут сорок пять, Элина оставалась на месте преступления. Видела, как прибежала хозяйка квартиры, потом за следственной группой поднялась на шестнадцатый этаж. По разговорам, доносившимся из квартиры, поняла, что там никого не нашли. Так же услышала имя погибшего – Иосиф Илларионович Файнберг. Последнее, что узнала Элина из разговоров, было то, что оба чемодана оставались в квартире.

Именно в тот момент ее поймали с поличным.

– Подслушиваете?! – на площадку вышел рассерженный следователь. – Шагом марш отсюда! И чтобы я вас больше не видел!

На улице было свежо. Соседний сквер источал такое благоухание, смесь запаха листьев и моря, что Элина решила пройтись пешком. Она сделала круг по кварталу и на перекрестке вызвала такси.

В гостиницу конечно же опоздала, но ее благосклонно выслушали и начали оформлять прописку. В тот момент ее плечо накрыла уверенная рука.

– Не делай вид, что не заметила меня. – Прозвучал голос Богдана.

Все то время, пока портье оформлял Элину, Богдан стоял за ее спиной, а она, подойдя к ресепшну, его действительно не заметила.

– Ты? – Элина презрительно сузила глаза. – Как узнал, что я здесь?

– Подумай, – Богдан улыбнулся.

– Нинель Николаевна? Она тебе рассказала?

– Вот видишь... – он с любовью погладил ее по голове. – Ты всегда была умницей.

Элина подхватила дорожную сумку и выплеснула весь свой гнев ему в лицо:

– Сгинь! Исчезни из моей жизни навсегда и больше не появляйся!

Портье, внимательно наблюдавший за их перепалкой, крикнул и протянул ей ключ.

– Прошу вас.

Элина схватила ключ и решительно зашагала к лифту. Поднявшись на свой этаж, вошла в номер и со стуком захлопнула дверь, как будто это могло кому-то что-то доказать или объяснить совершенный ею поступок.

Она прижалась спиной к стене, съехала вниз и осталась сидеть на корточках.

– Ну, теперь-то уж точно все.

Глава 3

Два чемодана

Элина лежала на спине и глядела в потолок. Мысли бродили по замкнутому кругу, словно мрачные призраки прошедшего вечера. Часы на стене считали тягучие минуты, и ей никак не удавалось заснуть.

На тумбочке, рядом с кроватью, лежала старинная открытка. Элина медленно протянула руку, чтобы взять ее, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности.

Она прикрыла глаза и представила себе тот самый двор на Красуцкого, хранивший в себе столько тайн. Старинная открытка стала ключом от запертой двери. Стоит повернуть его, как тут же откроется мир, полный опасностей и приключений. Элина чувствовала, как внутри нее разгорается огонь любопытства.

Усевшись в постели, она нащупала ногами туфли и включила ночник. Встала, накинула халатик и спустилась к ресепшну.

– Где тот человек, с которым я говорила у стойки, когда получала ключи?

Сдержав подступивший зевок, портье, пожилой мужчина, ответил:

– Господин Апостолов – гость нашего отеля.

– Можете назвать его номер?

– Он рядом с вашим.

Элина удовлетворенно кивнула.

– Благодарю, вы очень мне помогли.

Портье проводил ее внимательным взглядом, в котором читалось любопытство и отчасти тревога, он словно догадывался, что в этот момент она ступила на опасную территорию.

Богдан открыл дверь на первый же стук. Открыв, на мгновение замер, потом обмяк и безвольно прислонился к косяку.

– Ты мне нужен! – решительно заявила Элина.

Богдан бросился к ней, но она задержала его предупреждающим жестом.

– По одному важному делу.

Следующие два часа Элина и Богдан сидели рядом друг с другом, склонившись над ноутбуком. Информации по старинной открытке нашлось немного, вернее – никакой. Богдан переключался между вкладками, ища в интернете хоть какие-то упоминания о загадочном раритете. Однако, чем больше они искали, тем меньше находили.

В комнату из открытого окна доносились звуки ночной улицы, но Богдан и Элина, поглощенные поисками, пребывали в отдельном мире, не связанном с настоящим.

– Реально хочешь ее отдать? – спросил наконец Богдан.

– Других вариантов нет.

– Я, как знающий человек, могу сказать лишь одно – открытка, назовем ее так, стоит денег. – Богдан откинулся на спинку стула и с удовольствием потянулся. – Но денег небольших. Отсюда вывод – она не заслужила наших трудов.

– Я не прицениваюсь. – Возразила Элина. – Просто хочу разобраться в ситуации.

– А ну-ка повтори мне историю про тех двух мужиков. – Предложил Богдан.

– Водитель подобрал их у ресторана «Коломбо». При них были два чемодана... – Заговорила Элина.

– Постой, – перебил ее Богдан. – Получается, эти двое вышли из ресторана с чемоданами? Не находишь, что это странно?

– Бывает и не такое, – усмехнулась она.

– Кажется, ты говорила, что их беспокоила сохранность чемоданов?

- Так сказал водитель.
- Обычный багаж не вызывает сильного беспокойства. Во всяком случае, это не так заметно. – Богдан ненадолго задумался и вдруг оживился. – Кажется, я понимаю!
- Ну? – заинтересовалась Элина.
- Кое-что мне кажется до боли знакомым... Вечер. Два пожилых, интеллигентных человека идут в ресторан с двумя ценными чемоданами отмечать удачную сделку. Замечу: ключевые слова здесь – два ценных чемодана.
- Ценных? – искренне удивилась она.
- Ты когда-нибудь слышала о секциях, собраниях или ярмарках коллекционеров?
- Ну, слышала...
- А я на них провел пять лет чистого времени. – Усмехнулся Богдан. – Эти ярмарки – сборища сумасшедших, которые слетаются со всего мира, чтобы продать что-то из своих коллекций или выменять это что-то на что-нибудь другое. Кто-то приезжает с марками, кто с пластинками, а кто-то, ты будешь смеяться, с колокольчиками. Кроме филателистов, филофанов и кампанофилов там есть люди и посерьезнее. Эти приезжают с картинами, старинным фарфором и ювелирными украшениями. На одном таком сборище в Праге, я выменял не что-нибудь, а яйцо Фаберже. Правда потом оказалось, что это подделка.
- Выменял? – переспросила Элина. – На что можно выменять яйцо Фаберже?
- Это отдельная история, долго рассказывать.
- Тогда зачем ты об этом вспомнил?
- Вернемся к двум чемоданам. – Сказал Богдан.
- При чем тут они?
- А вот послушай... Каждый уважающий себя филателист, филофонист и дальше по списку, отправляясь на ярмарку или встречу коллекционеров, берет с собой чемодан или сумку с обменным фондом.
- А, по-моему, связь не прослеживается.
- Смотри. – Богдан стал загибать пальцы: – во-первых, чемоданы. Во-вторых, нетривиальный спор про письмо наполеоновского солдата. Замечу, тема неизбитая, несвойственная для двух пьяных мужчин. В-третьих – сама открытка, которую они потеряли. Готов поспорить, что эти двое – филателисты, которые возвращались со своего шабаша, пардон, с секции, и забрели в ресторан.
- Задумавшись на минуту, Элина тряхнула головой:
- Что ж, в этой версии что-то есть. – Она придвинулась к ноутбуку, открыла интерактивную карту Санкт-Петербурга и вбила название ресторана: – Коломбо... Да, так и есть, он на проспекте Римского-Корсакова. Кстати, это совсем недалеко от того места, где таксист высадил меня. – Элина вскинула брови. – А это что такое? Ты только посмотри! В том же доме располагается Городское общество коллекционеров!
- Богдан молча наблюдал за тем, как Элина рассматривает карту. Её глаза светились детским любопытством – одна из тех вещей, которые он любил в ней больше всего. Богдан восхищался ею, но одновременно чувствовал боль утраты. Элина и он были такими разными и, как обычно бывает, их различия сделались очевидными с течением времени. Стремление Элины к поиску новых жизненных горизонтов, и его циничный авантюризм располагались на разных полюсах и с каждым днем удалялись друг от друга как звездные объекты, летевшие в противоположные стороны бескрайней вселенной.
- Ты меня слышишь? – Элина толкнула Богдана и повторила: – В этом же доме находится Общество коллекционеров!
- Ну, так, отнеси им открытку, и дело с концом. Там знают, кому ее передать.
- А, все-таки, интересно: это открытка или все-таки письмо? – заинтересовалась Элина.
- Открытка. – Уверенно заявил Богдан.

- Из чего это следует?
- На одной ее стороне раскрашенная гравюра, предтеча нынешних иллюстраций. Здесь же адрес...
- Адрес? – Элина пристально взгляделась в бумагу.
- Да, вот, смотри... В этой части написан адрес: Варшава, что-то там еще, имя хозяина дома. Здесь адресат – Эмилия Будзишевская. С другой стороны – текст. Его не переведу, не хватит знания французского, да и текст рукописный.
- Значит, все же открытка... – задумчиво проронила Элина.
- Конечно. Иначе, адрес и имя написали бы на конверте. Впрочем, письмо это или открытка – суть проблемы от этого не меняется.
- Пожалуй, ты прав.
- Что будешь делать дальше? – Богдан наконец заглянул ей в лицо. Именно этого он и хотел на протяжении двух часов – посмотреть Элине в глаза.
- Завтра утром поеду в Общество коллекционеров, – ответила она.
- Думаю, для начала следует определиться, чего ты хочешь. Я вижу, что помимо желания пристроить открытку, присутствует что-то еще.
- Брось. Просто хочу выяснить, кому она принадлежит.
- А разве не погибшему?
- Не забывай: в такси о ней говорили двое. С той же долей вероятности, владельцем открытки может оказаться второй.
- Весьма интересный ход мыслей, – сыронизировал Богдан. – И все-таки, тебе-то это зачем?
- Элина поднялась из-за стола, явно избегая объяснений.
- Три часа ночи. Пойду спать.
- И не останешься у меня? – удивился Богдан.
- Ну, ты наглец! – Элина рассмеялась, и в ее смехе послышались недобрые, мстительные нотки. Дойдя до двери, она отрывисто бросила: – Спокойной ночи!
- Постой! – Богдан придержал ее за руку: – Я на машине, могу тебя завтра подвезти.
- Хорошо, я подумую, – пообещала Элина и, выйдя в коридор, закрыла за собой дверь.

Глава 4

Потом отфильтруем

В приемную вошел низкорослый толстяк в футболке и светлых джинсах.

– Генерал у себя? – спросил он у секретарши.

Та удостоила вошедшего кивком головы.

– Он ждет вас, Иван Макарович.

Толстяк достал из портфеля яблоко и положил на стол.

– Взятка? – с улыбкой спросила секретарша.

– Один сплошной витамин, – ответил он.

Похожий диалог происходил всякий раз, как только следователь Филиппов появлялся в генеральской приемной. Яблоки в его портфеле никогда не кончались.

Перебирая короткими, как у толстого ребенка, ногами, Иван Макарович подошел к двери, потянул правую створку, втиснулся в тамбур, после чего открыл еще одну дверь и шагнул в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ генерал!

Генерал Девочкин сидел во главе т-образного стола и подписывал документы.

– Входи, Филиппов, присаживайся.

– Вызывали, Вадим Григорьевич?

– Есть одно дельце. – Закончив с документами, Девочкин поднялся из-за стола во весь свой огромный рост и пересел поближе к Филиппову. – Слышал про вчерашнего прыгуна?

– Красуцкого три? – Иван Макарович тряхнул головой. – Видел в оперативной сводке.

– Тебе придется этим заняться. – Сказал генерал и предостерег: – Не вздумай возражать! Знаю, что загружен, знаю, что хочешь в отпуск. Дело не долгое, справишься – тогда поезжай.

– Ну, так, поручите его кому-нибудь другому! – взмолился Филиппов.

– Не могу. Дело тонкое. – Вадим Григорьевич крикнул. – Я бы сказал деликатное. Выпавший гражданин – польский подданный. Надо бы как следует разобраться.

– Понял... – обреченно вздохнул Филиппов.

Девочкин встал, вернулся в свое кресло и посмотрел на часы:

– Минут через тридцать к тебе подойдет дежурный следователь... – Девочкин покосился на отрывной календарь. – Фамилия – Терехин. Он доложит обстановку и передаст тебе дело. К этому времени собери оперативную группу. Короче, давай, работай!

– Так точно! Могу быть свободен?

Генерал взмахнул рукой, как будто благословил:

– Иди!

Когда спустя полчаса Филиппов поднялся на свой этаж, то увидел щуплого офицера МВД, который подпирал дверь его кабинета.

– Терехин?

Тот с готовностью выпрямился:

– Так точно.

– Филиппов. – Иван Макарович пожал ему руку, после чего отомкнул дверь. – Входите. Сейчас подойдут ребята, сразу начнем.

– Зачем вам ребята? – Терехин расстегнул свою папку и вытащил документы. – С каких это пор Первое управление по особо важным делам самоубийствами занимается? Дело – на три копейки. Мужик перебрал спиртного, выпрыгнул из окна. Что тут расследовать?

– Разберемся... – Филиппов сел за стол и положил перед собой рабочий блокнот.

В ту же минуту в кабинет гурьбой ввалились трое мужчин. Переговариваясь между собой, они расселись вокруг стола.

– Кажется, все в сборе. – Филиппов представил следственную группу. – Оперативники Румянцев и Расторгуев, криминалист Лавленцов. – Переведя взгляд на офицера МВД, кивнул: – Старший лейтенант Терехин доложит по существу дела. Прошу.

Тот встал, одернул китель и, не отрывая взгляда от документов, заговорил:

– Вчера в двадцать три пятнадцать в дежурную часть поступил звонок. Случайная прохожая сообщила: на улице Красуцкого из окна шестнадцатипятиэтажного дома выпал мужчина. Смерть наступила сразу.

– Заключение судмедэксперта есть? – спросил оперативник Румянцев.

– Когда бы успели? – вопросом на вопрос ответил Терехин.

– Что известно о погибшем? – поинтересовался Филиппов.

– Иосиф Илларионович Файнберг тысяча девятьсот шестидесятого года рождения. Бывший россиянин, ныне гражданин Польши. Квартиру в доме по улице Красуцкого снимал на протяжении семи с половиной лет. Бывал там наездами, по три-четыре раза в год. Со слов хозяйки, Файнберг коллекционировал марки и этим зарабатывал на жизнь.

– В квартире кроме него кто-нибудь был?

– Когда хозяйка открыла дверь, внутри никого не было. – Терехин порылся в документах и протянул бумаги. – Здесь протокол осмотра и ее показания.

– Оставьте, – сказал Филиппов. – Это потом. Рассказывайте дальше. Свидетели были?

Терехин на мгновение замаялся, как будто решая, стоит ли говорить, и достал из папки смятый листок, но сунул его обратно.

– Свидетель только один – старуха из соседнего дома. Она видела из окна своей квартиры падение Файнберга.

– Больше никого не разглядела?

– Нет, никого.

– В квартиру к ней заходили?

– Зачем? – удивился Терехин.

– Например, определить, что она могла видеть, а чего нет. Скажем, расстояние большое или старушка подслеповатая.

– Об этом я не подумал, да и некогда было.

– Что с камерой наблюдения на подъезде? – спросил здоровяк по фамилии Расторгуев.

– Не работает. – Терехин покрутил головой, подбирая нужные слова. – То есть, состояние рабочее, но подключения нет.

– Вы сказали, что на пульт позвонила случайная прохожая. – Вступил в разговор Филиппов. – С ней говорили?

Рука Терехина снова нырнула в папку и нащупала помятый листок. Немного поразмыслив, он четко произнес:

– К моменту прибытия следственной группы, звонившей уже не было. Да и что она могла рассказать? Шла мимо, видит, на газоне мертвый мужик.

– Но, ведь, она сообщила оператору, что мужчина выпал из окна. Значит, видела, как он падает?

– Этого не скажу.

– И почему в полицию не позвонила старуха из соседнего дома? Телефон под рукой, из своей квартиры звонить спокойнее.

– Может и звонила, но точно, не первая.

– Соседей опросили? – спросил Филиппов.

– Да, вы смеетесь! – с каким-то нервным весельем отреагировал Терехин. – Это ночью-то?

– Хотя бы тех, кто вышел из дома на происшествие. Таких обычно много бывает.

– Нет.

– Почему?

– Никто ничего не видел.

– Конструкцию дверного замка осмотрели? – вступил в разговор криминалист Лавленцов. – Убийца мог захлопнуть дверь снаружи?

– Да что вы заладили свое?! – взорвался дежурный следователь. – Не тратьте понапрасну деньги налогоплательщиков! Это же чистойшей воды самоубийство, поверьте моему многолетнему опыту.

– Ну, с деньгами налогоплательщиков мы как-нибудь разберемся. – Филиппов поднялся с места и, прощаясь, пожал Терехину руку. – Можете идти. Будут вопросы, позвоним. И, кстати, оставьте свой телефон.

Терехин записал свой номер на стикере, поспешно застегнул свою папку и с облегчением зашагал к двери.

Когда дверь закрылась, Филиппов оглядел своих подчиненных:

– Значит, так: за дело беремся оперативно. Необходимо установить, есть ли в деле криминальный подтекст. Сосредоточимся на этом, остальное потом.

Криминалист Лавленцов, бесцветный вялый мужчина с продолговатым лицом и высокими якутскими скулами выхватил носовой платок и несколько раз чихнул.

– Простите, аллергия. – Сказал он и продолжил без паузы: – Мне нужно осмотреть квартиру и личные вещи погибшего.

Филиппов придвинул к себе протокол осмотра места преступления и пробежал его глазами.

– Оформляй требование, и сразу на адрес. Меня интересуют два чемодана. Изучишь содержимое, снимешь отпечатки. И запиши телефон квартирной хозяйки... – Продиктовав номер телефона, он вздохнул и перевел взгляд на Румянцева: – Гриша, надо бы позвонить жене Файнберга, сообщить о его смерти и порасспрашивать о связях, врагах или возможных угрозах. Езжай вместе с Лавленцовым, узнай у хозяйки ее телефон. Ну, и поговори с хозяйкой подробнее, может чего знает.

– Слушаюсь, – ответил Румянцев.

– Постой-ка! А где телефон самого Файнберга?! – Филиппов перевернул бумаги Терехина и схватил телефонную трубку. Глядя на стикер, набрал цифры номера и, дождавшись ответа, заговорил: – Терехин? Вадим Дмитриевич? Это Филиппов. Нет-нет! Возвращаться не надо! Только один вопрос: телефон погибшего Файнберга обнаружили?.. Нет?.. Как же так? И на газоне его не было? Спасибо. – Положив трубку он посмотрел на Лавленцова и обвел взглядом оперативников. – Во что бы то ни стало найдите его телефон.

– Мне-то что делать, Иван Макарович? – спросил Расторгуев.

– Ты, как самый представительный, – усмехнулся Филиппов. – Пройдешься по квартирам и опросишь соседей. Может, кто-нибудь что-то видел. Да, и зайди к старушке-свидетельнице, поговори, выгляни из окна. Потом заархивируй и просмотри видеозаписи с подъезда ее дома, откуда виден подъезд Файнберга. – Иван Макарович встал с места, давая понять, что встреча закончена. – Ну, а я после обеда съезжу в Общество коллекционеров, спрошу про Файнберга. Черт его знает, откуда у этого дела ноги растут. В восемнадцать ноль-ноль всем быть здесь. Прошу не опаздывать.

Остальные тоже встали, но расходиться не спешили, как будто ожидая монаршего напутствия.

И оно прозвучало так:

– Короче, гребите шире, потом отфильтруем.

Глава 5

Сборище сумасшедших

Проснувшись в хорошем настроении, Элина решила, что было бы неплохо добраться до Общества коллекционеров на машине. Проинспектировав себя на тайные устремления и верность основополагающим принципам, она все же решила воспользоваться предложением Богдана.

Утро выдалось нежаркое и по-весеннему яркое, хоть был уже август. День пророчил удачу и радость. Это обстоятельство придавало уверенность в успехе задуманного.

Богдан подъехал к отелю в десять часов. Элина ждала его пятнадцать минут и сочла своим долгом выразить недовольство:

– Ни разу не было, чтобы ты не опоздал.

– Прости, – в голосе Богдана послышались виноватые нотки. – Парковки здесь паршивые, выезд перекрыли, пришлось полчаса руль выкручивать. – Он склонился, чтобы поцеловать Элину в плечо, но она тут же заметила:

– Мы договорились...

– Ах, да! – теперь и он вспомнил утренний разговор, в котором Элина обозначила условия совместной поездки.

В дороге, которая заняла не больше двадцати минут, Элина и Богдан говорили на разные темы, стараясь не касаться собственных отношений. Это была сугубо житейская болтовня, которую могли вести двое знакомых. Сидя рядом в машине, они оставались на расстоянии, обоюдно полагая, что время и судьба сделают свое дело и в конце концов определят, что будет дальше.

Вопреки ожиданиям ресторан «Коломбо» оказался в соседнем доме, рядом с тем, в котором располагалось Общество коллекционеров. Входная дверь Общества сильно обескуражила. Это была невысокая, довольно обшарпанная дверь, утопленная в полуподвал так, что им пришлось спуститься на несколько ступеней.

Элина ткнула пальцем в расписание, висевшее на двери.

– Вчера здесь проходила секция клуба филателистов.

– Вот видишь, – Богдан распахнул перед ней дверь. – Я оказался прав.

В коридоре горело несколько лампочек, тускло освещая стены и двери кабинетов. Элина сделала несколько шагов и дернула за ручку первой двери, потом за ручку второй.

– Здесь никого.

– Там дальше лестница на второй этаж, – Богдан двинулся вперед.

Взойдя по лестнице, они увидели открытую дверь. В тот же момент в глубине помещения послышались шаги, и в проеме возник пожилой мужчина.

– Здравствуйте. Могу чем-нибудь помочь?

– Можете, – Элина подала ему руку: – Элина Коган.

– Очень приятно, Иркутов, член правления Общества коллекционеров. – Он пожал ее руку и перевел глаза на Богдана.

Тот ограничился коротким замечанием:

– Я просто с ней.

– Что привело? – Иркутов чуть отступил, пропуская их внутрь кабинета. – Располагайтесь, где вам будет удобно.

Они расселись на стульях, Элина поближе к Иркутову, Богдан – у входной двери.

– Хочу задать вам один вопрос, – начала Элина.

– Да-да... – Иркутов любезно придвинулся вместе со стулом. – Слушаю вас внимательно.

– Вам знаком Файнберг Иосиф Илларионович?
– Файнберг? – Иркутов закивал. – Как же! Активный член всех наших мероприятий, заслуженный филателист, человек с безупречной репутацией. Не далее, как вчера представлял свою коллекцию на встрече коллекционеров.

– Здесь? В этих стенах? – поинтересовался Богдан.

– В актовом зале. – Иркутов описал рукой округлую траекторию. – Как вы успели заметить, у нас все по-простому. Что нужно коллекционеру, чтобы пообщаться с коллегами? Стол для экспозиции фонда и стул, чтобы сесть. Вот и все.

– Вчера на встрече было много народу? – спросила Элина.

– Да в общем-то как обычно: человек двадцать пять участников, не считая сторонних визитеров.

– Вы как член правления интересуетесь тем, что выставляют участники?

– А как же! Я и сам заядлый филателист. Иногда встречаются редкие экспонаты.

– К Файнбергу подходили?

– Конечно, и не раз. Вчера у него был удачный день. Ему посчастливилось всучить какому-то дилетанту набор из шести аргентинских марок.

– Стало быть, после выставки при нем находились большие деньги?

– О деньгах речь не шла. Это был неравноценный обмен. Две израильские марки, которые Иосиф получил взамен своих шести аргентинских, стоят намного больше. А я... – у Иркутова загорелись глаза. – Приметил на его столе одну португальскую марочку, но, к сожалению, дело не склеилось.

– Почему?

– К ней прицепом шла монгольская марка шестьдесят четвертого года, которая меня не заинтересовала, а без нее португальскую марку Иосиф не отдал.

– Как интересно... – обронила Элина.

– Такое часто бывает. Файнберг человек принципиальный, если уперся, не свернешь. И кстати, это качество для нашего брата бесценное. А то, знаете, уговорят иногда, уломают – согласишься. Потом жалеешь.

Элина и Богдан переглянулись, словно советуясь, стоит ли предъявлять их главный аргумент и, кажется, пришли к одному решению.

– Взгляните, пожалуйста. – Элина достала из сумочки старинную открытку и показала Иркутову. – Была у него такая?

Тот нацепил очки и пригляделся:

– Как же, помню. Была. – Иркутов недоверчиво поднял глаза. – Откуда она у вас?

– Чуть позже объясню.

– И все-таки, это странно...

– Кто-нибудь к ней приценивался? Хотел выменять ее или купить?

– Насколько я помню, открытка выставлялась не для продажи или обмена, а в ознакомительных или консультационных целях.

– Что это значит? – заинтересовалась Элина.

– Бывает, коллекционер не находит о предмете никакой информации, ни в каталогах, ни в справочниках. Тогда он просит помощи у коллег. Так сказать, с миру по нитке – голому рубашка.

– У Файнберга получилось? – подал голос Богдан.

– То, что он узнал, ему не понравилось, и я был тому свидетелем.

– А если подробнее?

– Не знаю, стоит ли об этом говорить... – засомневался Иркутов.

– Стоит! – снова вмешался Богдан, ничем не аргументируя свою точку зрения. Но, как ни странно, это сработало. Иркутов продолжил:

- Открытку всесторонне изучили и решили, что она – подделка.
- Из чего это следует?
- Подробно не перескажу, слышал обрывки суждений. Я сам не эксперт в этой области, занимаюсь исключительно марками.
- У Файнберга была широкая специализация или такая же, как у вас? – уточнила Элина.
- Почему вы так сказали? – насторожился Иркутов.
- Как? – Богдан широко улыбнулся, сообразив, что Элина дала маху, и они могут не получить никакой информации.
- Вы сказали, что Файнберг был. Это случайность? Или вы имели в виду что-то конкретное?
- Неправильно сформулировала. – Элина повторила вопрос: – Его специализация шире вашей?
- Я бы так не сказал. Он тоже занимается марками.
- Тогда откуда открытка?
- Прошу прощения, – Иркутов поправил галстук. – Имею все основания полагать, что вы из полиции. С Файнбергом что-то случилось?
- В интересах дела я не имею права делиться такой информацией. – Во времена своей службы Элина повторяла эту фразу множество раз, и теперь она прозвучала вполне убедительно. – Как насчет моего вопроса? Откуда у Файнберга эта открытка?
- Иосиф рассказал, что она попала к нему случайно, чуть ли не с чердака. Видите ли, он проживает в Варшаве. Имеет польское гражданство лет десять не меньше. Оттуда мотается по выставкам: Лондон, Прага, Москва, Санкт-Петербург. Филателия – трудный кусок хлеба, по нынешним временам много не зарабатываешь.
- Уважаемый, вы упомянули, что открытка вызвала обсуждение. – Напомнил Богдан, перенаправляя курс разговора.
- Да-да! Несколько экспертов высказали свое мнение. В том числе – Артур Янович Навикас. Но сути утверждений я не припомню.
- Кто такой Навикас? – уточнила Элина.
- Крупный ученый, историк, признанный эксперт в этой области. Занимается вопросом почтовых отправок времен войны 1812 года, по большей части письмами наполеоновских солдат и офицеров.
- Меня как раз интересует этот период, – оживилась Элина. – Было бы хорошо узнать его телефон.
- Сейчас-сейчас. Для этого здесь и сижу. – Иркутов подошел к облезлому картотечному шкафу и выдвинул ящик с наклеенными буквами: – Записывайте номерок. Продиктовав, повторил: – Навикас Артур Янович.
- И вот еще что... – Элина замешкалась, но преодолев неуверенность, продолжила: – С Файнбергом на выставке был приятель...
- Карасев Валерий Геннадьевич? – на лету подхватил Иркутов. – Он тоже коллекционер, но не такого уровня, как Иосиф. Трется около него, щиплет по травке, клюет по зернышку.
- Хотелось бы получить его телефон.
- Зачем? – Иркутов сдвинул брови в запоздалом приступе подозрительности. – Послушайте, дорогая, для чего вы сюда явились?
- Я же сказала... – попыталась оправдаться Элина.
- Вы ничего не сказали! – Иркутов перехватил у нее инициативу. – Ничего не объяснили. Как открытка Файнберга попала к вам? Немедленно предъявите удостоверение личности!
- В то же мгновение Богдан вдруг закашлялся, да так сильно, что Элине пришлось стучать ладонью по его спине.
- Аллергия. Пыльно тут у вас.

– А что вы хотите? – растерянно проворчал Иркутов. – Здание черт знает какого года постройки.

– Водички бы... – прохрипел Богдан.

– Минуту!

Но как только Иркутов вышел из кабинета, Богдан прекратил кашлять и ястребом метнулся к картотеке. Порывшись, отскочил на свое место за секунду до возвращения Иркутова. Опустошив принесенный стакан, он подхватил Элину под руку и простонал:

– Быстрее на воздух!

Спешно попрощавшись, они вышли на улицу, и Богдан с улыбкой развернулся к Элине:

– Записывай номер Карасева.

Глава 6

Ну, вот началось

– Послушай, почему бы нам не продать открытку и не сходить на эти деньги в ресторан? – Задав провокационный вопрос, Богдан отвел глаза от дороги и посмотрел на Элину. – Покойнику она уже не нужна.

– Даже не старайся, – ответила Элина. – Меня на такую хилую наживку не подсечешь. Выход есть – отдать открытку Карасеву, а он, в свою очередь, перешлет ее вдове Файнберга.

– Если не сопрет. – Ехидно ухмыльнулся Богдан. – Думаешь, ей отдадут те два чемодана? Как же! Все давно растащили. У иного коллекционера в обменном фонде марок на миллионы долларов.

– Ты слишком плохо думаешь о людях. Среди полицейских есть много приличных. К тому же, в неумелых руках эти марки – обычный хлам.

– Чистая правда. – Согласился Богдан. – Марками нужно жить и многое знать. У тебя на сегодня какие планы?

– Нужно купить билеты на поезд. Планирую вернуться в Москву.

– Ну, это дело не долгое, был бы телефон. – Он снова посмотрел на Элину. – А как же Карасев? Как же Навикас?

– Постараюсь встретиться и с тем, и с другим. Сегодня же созвонюсь.

– Ако отидете за муха – ще доведе до лайна, – чуть слышно проворчал Богдан.

– Болгарский? Переведи.

– Пойдешь за мухой, приведет к говну.

Элина неожиданно рассмеялась:

– У нас тоже есть похожая поговорка: не было хлопот, купила баба поросю. Только я не виновата. Открытка сама попала мне под ноги.

– Ну, да. А ты ответственный человек.

– Спасибо за понимание.

Словесная перепалка прекратилась, как только они подъехали к гостинице. Не выходя из машины, Элина позвонила Карасеву, но тот не ответил.

Она распахнула дверцу.

– Спасибо, что помог.

– Постой! – Богдан схватил ее за руку, и это можно было принять за агрессию, если бы не заискивающий тон его голоса: – Нинель Николаевна просила тебя приехать.

– Зачем?

– Старушка печалится, что вы не договорили.

– Мы поболтали на торжестве. К тому же, я приехала ненадолго, юбилей Нинель Николаевны был поводом прогуляться по Санкт-Петербургу.

– Я тут подумал: почему бы мне не отвезти тебя к ней?

Чуть поразмыслив, Элина позвонила профессорше, и та категорически заявила, что ждет ее в гости.

– В шесть вечера? – переспросила Элина и, помолчав, согласилась. – Приеду.

По окончании разговора, Богдан резюмировал:

– У нас еще прорва времени. Чем займемся?

– Подожди... – Элина вновь набрала Карасеву.

На этот раз тот ответил, сходу спросив:

– Кто вы такая?

– Элина Коган. Мы не знакомы.

- Что вам нужно?
- Я от вашего приятеля Файнберга. – Сказав так, Элина предположила, что Карасев не знает о смерти друга.
- Так и вышло.
- Но он мне вас не рекомендовал, – заметил Карасев.
- Хотелось бы встретиться. Мне нужно показать вам одну вещь.
- Какого тока? – в голосе мужчины послышался интерес.
- Речь идет о раритете. Остальное расскажу при встрече.
- Записывайте, – Карасев продиктовал адрес, но не назвал квартиры. – Ждите во дворе, я спущусь. Как вас узнать?
- На мне белая кофточка. Нас будет двое, со мной молодой человек.
- Во сколько вас ждать?
- Точно сказать не могу. Сейчас я нахожусь на Марата.
- Минут тридцать, если на машине, может и меньше.
- Тогда выезжаем.
- Запустив двигатель, Богдан осуждающе покачал головой:
- Что ты ему наплела? Как будешь выкручиваться?
- Карасев не знает о смерти Файнберга.
- Или знает, но притворяется. Не он ли его убил?
- Я тоже об этом думала. – Элина захлопнула дверцу и устроилась на сиденьи поудобнее. – Поехали!

Солнце было уже в зените, когда Элина и Богдан въехали во двор многоэтажного дома, где жил Карасев. Машина затормозила, и они вышли. Воздух был пропитан запахом свежескошенной травы и звуком детских голосов, которые доносились с детской площадки. Элина поправила волосы и улыбнулась Богдану, словно обещая, что все пройдет хорошо.

Карасев уже поджидал их, стоя на ступеньках подъезда. Это был седой, бородатый мужчина в пестрой рубашке. На мгновение Элине показалось, что перед ней воскресший Файнберг. Ощущение было не из приятных.

- Элина?.. – Мужчина медленно спустился с крыльца и подошел ближе.
- Здравствуйте! Это я. – Она указала рукой: – Мой друг Богдан.
- Сядем на скамейку. Имеете что-нибудь предложить на продажу или нужна оценка?
- Ни то, ни другое. Вот... – Элина протянула ему открытку.
- Реакция Карасева была неожиданной. Он хлопнул себя по коленке и крикнул:
- Кхе! Неужто Ося ее продал?!
- И тут Элина решила сказать правду:
- Вчера вы с Файнбергом обронили ее в такси.
- Да, ну?! – Карасев удивленно выпучил глаза, выхватил телефон и продолжая говорить, набрал чей-то номер. – Вот, пьяные дураки!
- Кому вы звоните? – поинтересовалась Элина.
- Иосифу. Порадую старого дураля. Наверняка уже хватился. Переживает.
- Не надо ему звонить. – Тихо обронила Элина. – Он не возьмет трубку.
- Вы не знаете Осю. Удивляюсь, почему он еще не позвонил.

Элина взглянула на Богдана, после чего наконец решилась сообщить самое главное:

- Файнберг мертв. Вчера вечером он выпал из окна своей квартиры.

Застыв, Карасев выдавил из себя что-то нечленораздельное. Его дыхание сбилось, а лицо стало багроветь. Это была мгновенная реакция на утрату, которую нельзя предугадать.

Элина и Богдан молча сидели рядом, осознавая тяжесть момента и ожидая продолжения разговора.

- Мы же вместе приехали... – прервал молчание Карасев. – Как это случилось?
- Никто не знает. – тяжело вздохнула Элина.
- Что мне теперь делать?
- Вам наверняка позвонит следователь, и вы все расскажете.
- Что мне рассказывать?! – всполошился Карасев. – Мы вышли из такси, я помог Иосифу донести чемоданы до квартиры и сразу ушел.
- Выходит, оба чемодана принадлежали Файнбергу?
- Кому же еще? Я вчера не выставлялся. Походил по столам, поглядел, приценился.
- С чего вдруг на встрече возник спор о подлинность этой открытки? – Спросила Элина.
- Там что-то не так с датами. Да и открытых писем в те времена как таковых в принципе не было.
- Открытых писем? – заинтересовался Богдан.
- Так назывались открытки. – Охотно пояснил Карасев и продолжил аргументацию: – Кроме того, на ней нет почтового штемпеля Великой армии⁴. Оно или было послано частным порядком или это искусная подделка. По нынешним временам существуют технологии, которые так состарят документ, что ни один углеродный анализ не установит.
- У меня к вам большая просьба... – Элина протянула открытку. – Передайте ее жене Файнберга.
- Карасев вдруг резко отпрянул и поднял руки, будто сдаваясь:
- Увольте! Меня и без того теперь по судам затаскают. Вы нашли, вам и передавать. А лучше отдайте открытку следователю. Он разберется.
- В том-то и дело, что не взял. – Огорчилась Элина и осторожно спросила: – У вас есть варшавский адрес Файнберга?
- Где-то был... – Карасев озадаченно помолчал. – То есть, точно есть.
- Скиньте мне его эсэмэской.
- На телефон, с которого вы звонили?
- Да, будьте любезны.
- В разговор внезапно вклинился телефонный звонок. Карасев поднял трубку:
- Слушаю... Кто?.. Да, теперь я расслышал. Сегодня? Хорошо, я спущусь. – Закончив, он обреченно сторбился. – Ну, вот началось...
- Что? – поинтересовалась Элина.
- Звонил следователь. Меня будут допрашивать.
- Уже в машине Элина подвела черту разговору:
- Ну, что же, варшавский адрес Файнберга у нас скоро будет. Осталось созвониться с Навикасом.
- Зачем? – Богдан скучающе зевнул. – Теперь-то он тебе для чего нужен? Адрес Файнберга скоро будет, вышлешь открытку ценным письмом, и дело с концом.
- Пожалуй, ты прав. – Элина тоже зевнула. – Давай в гостиницу. До встречи с Нинель Николаевной успеем пообедать и выспаться.
- В твоём номере или в моем? – оживился Богдан.
- Элина ответила, будто отрезала:
- Каждый спит у себя.

⁴ Великая Армия – La Grande Armée. Так называли армию Наполеона.

Глава 7

Стакан с отпечатками

– Разрешите? – Филиппов сунул голову в открытую дверь, после чего сам шагнул в кабинет.

Иркутов приподнялся со стула и снова сел:

– Вы ко мне?

– Прошел по первому этажу, все двери заперты. Кроме вас здесь никого нет. – Иван Макарович достал удостоверение и показал его разворот. – Следователь Филиппов, Первое управление по расследованию особо важных преступлений. Можем поговорить?

– Ух... – мужчина помотал головой. – Что сегодня за день.

Филиппов сел напротив и широко улыбнулся.

– День солнечный, на улице хорошо. Почаще выходите на воздух, у вас здесь пылица.

– Д-да... Пылица... Моя фамилия Иркутов. Слушаю вас.

– Файнберг Иосиф Илларионович. Знаете такого?

– Знаю. – Иркутов сдержанно кивнул.

– Ну, и?..

– Кажется, от вас уже приходили.

– Когда? – Иван Макарович переменялся в лице. – Кто?

– Этим утром, двое, парень и девушка. Они так же, как вы, узнавали про Файнберга.

– Та-а-ак... – следователь скользнул взглядом по кабинету, как будто в поисках подтверждения того, что сказал Иркутов. В его глазах читалось желание сделать следующий ход. – Они как-то представились? Назвали свои имена?

– Мужчина не представился. Имя девушки, кажется... – Иркутов сморщил лицо в мучительной гримасе. – Нет. Не припомню. Но она точно представилась.

– С чего вы взяли, что эти двое из правоохранительных органов?

– Они решительно дали это понять.

– Решительно дали понять, – саркастически повторил Филиппов. – Что именно?

– Э-э-э... Я же сказал... Впрочем, кажется, я свалил дурака.

– Какие вопросы они задавали?

– Сначала показали коллекционную открытку, или лучше сказать письмо наполеоновского солдата, принадлежавшее Файнбергу. Вчера, на собрании коллекционеров его обсуждали эксперты.

– Объяснили, зачем это им?

– Сказали, что в интересах следствия подробности разглашать не имеют права. А что, собственно говоря, случилось?

– Файнберг мертв. – Сообщил Филиппов.

Иркутов на глазах побледнел.

– Я только вчера его видел!

– Обычно так и бывает. – Филиппов и шлепнул себя по ладони. – Бац! И нет человека.

– Как это случилось?

– Выпал из окна своей квартиры.

– Сам?.. – тихо спросил Иркутов.

– Ну, вот, разбираемся. Для этого и пришел.

– А я здесь при чем?

Иван Макарович достал свой блокнот и, приготовившись писать, щелкнул ручкой.

– Не буду уточнять, о чем они спрашивали. Сосредоточимся на том, что именно вы им рассказывали.

– Во-первых, то, что Файнберг был на вчерашнем собрании коллекционеров. – Иркутов часто закивал. – Они интересовались экспертным мнением...

– По поводу чего?

– Разумеется, по поводу той самой открытки или, лучше сказать, письма.

– Назовите ключевые моменты того, что говорили эксперты про открытку на собрании коллекционеров.

– Все пришли к мнению, что это подделка.

Филиппов постучал концом ручки по блокноту.

– Вот оно что... И, что же, тех двоих, парня и девушку, это огорчило?

– По-моему, им было все равно. По крайней мере девушка, которая со мной говорила, осталась равнодушной.

– А парень что же? Молчал?

– Не то, чтобы молчал. Так... Задал пару уточняющих вопросов. Потом ему сделалось плохо.

– Да, ну?

– Сильно закашлялся. Сказал, что аллергия на пыль. Здесь ее, сами видите, сколько.

Пришлось принести воды.

– Эти двое просили чьи-то контакты?

– Я дал им телефон Карасева.

– Кто такой? – насторожился Филиппов.

– Приятель Файнберга. Вчера на выставке они были вместе.

Иван Макарович уточнил:

– С выставки Файнберг и Карасев одновременно ушли?

– Кажется, да... Но я не припомню наверняка. Народу было – не протолкнуться.

– Дайте мне все контакты Карасева.

– Минутку. – Иркутов двинулся к картотеке и вскоре положил перед следователем испи-
санный листок.

– Спасибо. – Филиппов вновь оглядел стены комнаты, потом вдруг поднялся, прошел к двери и выглянул в коридор: – Что с видеонаблюдением?

– Ничего.

– То есть, скорее нет, чем есть? – с ехидной веселостью осведомился следователь и вернулся на место. – Сейчас вы подробно опишете внешности тех двоих.

– Девушка... – Иркутов уставился взглядом в стол и на минуту «завис». – Вот черт! Никогда не думал, что это так трудно.

– Давайте, помогу, – предложил Филиппов. – На первый взгляд сколько ей лет?

– Да разве теперь поймешь. Сорок лет, а юбочка выше колена.

– Значит, сорок... – записал следователь. – Прямо скажем, не девушка.

– Вы неправильно поняли. Это ж я для примера!

Филиппов нахмурился.

– Давайте по существу. На сколько лет она выглядела?

– Лет тридцать не больше. Красивая, кареглазая, – Иркутов коснулся головы, изображая пальцами волны. – Каштановые вьющиеся волосы.

– Рост?

– Чуть ниже меня.

– Встаньте, пожалуйста.

– Что? – спросив, Иркутов поднялся, и Филиппов смерил его взглядом с ног до головы.

После чего сказал:

- Все ясно – около ста семидесяти. Садитесь. Теперь перейдем к парню.
– Редкий экземпляр. – Иркутов покрутил головой. – Рослый, черноволосый, синеглазый красавец. Лет тридцати – тридцати пяти. Загорелый, очень похож на иностранца.
– Пойдите... – Рука Филиппова замерла, не дописав начатое слово. – Вы что-то говорили про воду.
– Да-да, – закивал Иркутов. – Когда тот парень закашлялся, я подал ему стакан воды. Иван Макарович вытянул шею и, казалось, принял.
– Где он?..
– Стакан? Да, вот. – Иркутов потянулся, чтобы взять стакан со стола, но Филиппов вдруг заорал:
– Не смей!

Иван Макарович вышел из машины и посмотрел на часы – было без четверти пять. До совещания оставалось более часа. Решив прогуляться, он зашагал в сторону Невского. Смотрел себе под ноги, вздыхал, время от времени скидывал голову и глядел на небо, где стайками кружились голуби.

«Пичуги беспечные...» – думал Филиппов, одновременно оценивая новую, и во многом неожиданную для него информацию. Он и сам еще не успел разобраться в деле Файнберга, а те двое уже опередили его. «Вот борзота! И, главное, где их теперь искать?».

Замедлив шаг, Филиппов потянул ноздрями кофейный запах из ресторана, пересек Гороховую улицу и остановился у чугунной ограды канала.

«Пришли с открыткой или, лучше сказать – с письмом. Так, кажется, сказал Иркутов».

Возможно, что это был только предлог, чтобы получить телефон Карасева? Или повод для разговора? Но как открытка оказалась у них, если только вчера она была на столе Файнберга и бурно обсуждалась экспертами?

Под вечер стали загораться огни, которые причудливо отражались в реке зеленоватыми, голубыми и винно-алыми пятнами. С противоположного берега донеслись веселые голоса. Прислушавшись к звукам чужого веселья, Филиппов перешел по мостику на другую сторону канала напротив дворца Строганова. Пересек Невский проспект и зашагал дальше, по той же стороне улицы.

«Что за птица этот Карасев? И зачем он понадобился визитерам Иркутова?».

«И, вот ведь что интересно: с выставки Файнберг и Карасев ушли вместе. Нет, не так. Иркутов сказал – кажется».

– Да-а-а... – вслух протянул Филиппов. – На этих кажется, примерно и так сказать далеко не уехать.

Так шел он, глядя себе под ноги и думая о своем. Поравнявшись с домом 12, прочитал на стене золоченую надпись:

«В этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин».

Пройдя чуть дальше, Филиппов остановился, взглянул на часы и понял, что пора возвращаться.

В шесть часов, как было условлено, Филиппов встал из-за стола и оглядел присутствующих. Кроме него самого, их было двое.

– Где Расторгуев?

– Предупредил, что задержится. – Сказал оперативник Румянцев. – Ждет архивации с видеокамер.

– Тогда начнем без него. – Иван Макарович, кивнул криминалисту: – Докладывай, Василий Ионович. Ты будешь первым.

Лавленцов, не вставая, порылся в своих записях и вдруг чихнул несколько раз кряду.

– Простите. – Достав платок, он шумно высморкался и, наконец заговорил: – Телефон Файнберга мы не нашли.

– Это плохо. – Мрачно сказал Филиппов.

– Однако квартирная хозяйка дала его номер.

– Это хорошо. Звонили?

– Несколько раз. Телефон устойчиво недоступен.

Филиппов повернул голову и приказал Грише Румянцеву.

– Завтра же мухой к провайдеру за расшифровкой звонков и эсэмэсок Файнберга. К вечеру чтобы все было на моем столе.

Тот возразил:

– Вряд ли успею.

– Разговорчики! Сказано – делай! – Иван Макарович взглянул на Лавленцова. – Что там дальше по списку?

– Конструкция дверного замка устаревшая, так, что дверь можно захлопнуть снаружи.

– Сам проверил? – Строго спросил Филиппов.

– Для верности – несколько раз. Не исключаю, что перед смертью погибший был не один.

– Я тоже не исключаю. Никто не исключает. – Иван Макарович говорил все громче и громче и, в конце концов, перешел на крик: – Факты нужны! Улики! Где они?! Я не вижу!

– Ну, почему же... – чуть слышно проронил Лавленцов. – Если поскрести по сусекам, кое-что все же есть.

– Давай! – Приказал Филиппов.

– Обстановка в квартире спартанская. По ней видно, что жил мужик, да и то время от времени. Так сказать, походный бивуак. В комнате стояли два чемодана, битком набитые марками.

– Что с того?

– Пальчики с чемоданов явно принадлежат не одному человеку. Отпечатки Файнберга я снял с трупа. Таким образом, методом исключения определим кто еще прикасался к чемоданам.

– А, вот это – дело. – Одобрительно пробурчал Филиппов.

– Примечательно, что альбомы и пакетики с марками располагались в чемоданах хаотично. Такое впечатление, что их сначала вывалили на пол, а потом в попытках запихнули обратно.

– Интересно. – Заметил Иван Макарович. – Что еще?

– А разве этого мало? – хитро усмехнулся Лавленцов.

– Давай, не темни! Вычерпывай все до доньшка!

– На оконном стекле, что осталось целым, есть четкие отпечатки ладони и пальцев.

– Думаешь, Файнберг сам открывал створку?

– Да, не-е-ет... – протянул Лавленцов. – Когда открывают, берутся за ручку.

Иван Макарович уточнил:

– А здесь?

– Здесь человек хватался за створку. Спасал свою жизнь.

Филиппов поднялся с кресла, в задумчивости прошелся по кабинету и остановился напротив Лавленцова.

– И, все-таки криминал?

– Вне всяких сомнений, – подтвердил криминалист.

– Что с чемоданами? Их изъяли?

– Все, как положено. – Отрапортовал оперативник Румянцев, и Филиппов кивнул ему:

– Теперь докладывай ты.

Григорий Румянцев встал, но сообразив, что это не обязательно, сел на место.

– Поговорил с квартирной хозяйкой. О погибшем отзывается сугубо положительно. Квартплату платил вовремя, не пил, компании домой не водил. Приезжал время от времени, и это ее устраивало: говорит, что семь половиной лет квартира пребывала в идеальном порядке.

– Номер телефона жены Файнберга дала? – спросил Филиппов.

– Дала, и я сразу же позвонил. – Ответил Румянцев.

– Удалось что-нибудь узнать?

– Ничего интересного. Со слов жены, врагов у Файнберга не было, никто ему не угрожал.

Она вообще женщина тепленькая. Так сказать, чуток не в себе.

В дверь постучали, и в кабинет вошел Расторгуев.

– Прошу прощения, задержался.

– Проходи, Стас, ты как раз вовремя. Садись. – Распорядился Филиппов. – Что у тебя?

Рассказывай.

Оперативник Расторгуев, не присаживаясь, начал докладывать:

– Пришел на место, и сразу поднялся к старухе свидетельнице. – Он заглянул в блокнот. –

Краюшкина Татьяна Савельевна, тысяча девятьсот сорокового года рождения. Она рассказала, что до того, как разбилось оконное стекло, Файнберг закричал.

Филиппов направился к столу и отыскивал свидетельские показания Краюшкиной, которые снял Терехов. Пробежал текст глазами, потом, поднял голову и посмотрел на Расторгуева.

– А здесь об этом ни слова.

– Кричал, кричал, – подтвердил Расторгуев. – Старуха в этом уверена.

– Странно. – Иван Макарович тяжело опустился в кресло. – Что еще?

– Кроме старухи на месте происшествия была еще одна свидетельница. Краюшкина говорила с ней, так сказать, делилась впечатлениями.

Филиппов стукнул кулаком по столу:

– Вот, ведь, поганец!

– Кто? – опешил Расторгуев.

– Терехин, дежурный следователь! Надо бы написать на него рапорт! Все подогнал под суицид, мерзавец! Где теперь искать ту свидетельницу?

– Нигде, – подтвердил оперативник. – Старуха ее не знает, внешность не разглядела, было темно.

– Теперь скажи еще, что старуха слепая как крот и я застрелюсь. – Упавшим голосом проронил Филиппов.

– Так точно. Ни черта не видит, ни близко, ни далеко. Удивляюсь, как заметила летящего Файнберга.

– Любопытство, мой друг, творит чудеса, – проговорил Лавленцов, и его тут же поманил Филиппов:

– Иди-ка, сюда!

Тот встал и приблизился к столу.

– Ну? – увидев в руках следователя прозрачный пакет со стаканом, удивился: – Это еще зачем?

– Сними отпечатки и прогони по всем базам. По всем!

– Кто-нибудь еще, кроме подозреваемого, держал этот стакан в руках? – спросил Лавленцов.

– Менеджер из Общества коллекционеров. – Иван Макарович достал из папки небольшой рулон скотча и протянул криминалисту. – Здесь его отпечатки. Их исключишь.

– Эх-е-хе, – проворчал Лавленцов. – Самодеятельностью занимаемся?

– Разговорчики. Завтра жду результаты.

– Сделаем...

– Расторгуев! – гаркнул Филиппов.

– Я! – оперативник резко встал в ожидании приказа.

Иван Макарович достал из портфеля листок бумаги.

– Вот контакты приятеля Файнберга Карасева. Езжай к нему и поговори. Имей в виду, что он может оказаться убийцей. – Филиппов огляделся и заговорил, обращаясь сразу ко всем присутствующим. – Ставлю вас в известность, что Файнбергом интересуется кто-то еще, и они на шаг впереди. Таким образом возникает еще одно направление. Ищем парня и девушку. Приметы есть, но они вам вряд ли помогут.

Глава 8

Счастливое совпадение

Перед визитом в дом Нинель Николаевны Элина провела перед зеркалом около часа – ей очень хотелось произвести впечатление на Богдана.

Увидев ее при полном параде, Богдан шумно выдохнул и безнадежно помотал головой.
– А не такая уж ты красивая.

Его замечание не выбило Элину из колеи, поскольку она хорошо знала Богдана и посчитала его язвительность за изощренный комплимент. Тем не менее, сочла необходимым молчать всю дорогу до самого дома Нинель Николаевны.

Профессорская квартира на Невском была настоящим украшением старинного петербургского особняка. Войдя внутрь, Элина и Богдан оказались в уютном мире, который гармонично сочетался с духом истории, что никак не противоречило профессиональной принадлежности хозяев: Нинель Николаевна была специалистом по церковно-славянскому языку, ее муж, Федор Павлович – профессором истории.

Встречая гостей, Нинель Николаевна улыбалась, и было ясно, что ей приятно видеть их вместе.

– Проходите! – захопотала она. – У нас небольшой междусобойчик, самые близкие друзья, так что вы весьма кстати. В гостиной можете выпить, а я удаляюсь на кухню.

По пути в гостиную Элина и Богдан пересекли большую библиотеку, где помимо книг, на столах и полках стояли редкие антикварные предметы и статуэтки, свидетельствующие о достатке и хорошем вкусе хозяев. Интерьер казался музейными, каждая деталь, каждая книга и каждая картина имели свою историю и свой потаенный смысл.

Центральной частью гостиной был старинный камин, над которым висела картина с петербургской набережной, терявшейся в далекой перспективе. Всю комнату наполняло тепло от полированной мебели и паркета, которые создавали атмосферу стойких традиций. Высокие окна с драпированными плотными шторами добавляли дому аристократизма.

На диванах и креслах расположились несколько человек, ровесников и вероятно коллег хозяев. Не успев перезнакомиться с ними, Элина услышала звонок своего телефона и вышла на балкон.

– Слушаю... Говорите! – После короткого молчания последовал отбой, и она обернулась к Богдану. – Ничего не понимаю.

– Кто звонил? – коротко осведомился тот.

– Карасев.

– Сообщил варшавский адрес Файнберга?

Элина обескураженно улыбнулась.

– Сначала дышал в трубку, потом дал отбой.

– Дай-ка! – Богдан забрал у телефон и набрал номер Карасева. Вслушавшись, сообщил: – Абонент не доступен. Позвоним ему позже.

Тем временем в гостиной появилась Нинель Николаевна и, представляя Элину и Богдана, сказала:

– Знакомьтесь, мои друзья, с которыми я провела незабываемый круиз по Средиземноморью. Многие об этом уже слышали, поэтому повторяться не буду.

Гости одобрительно загудели, и Нинель Николаевна продолжила:

– Богдан Апостолов прямиком из Варны. У него весьма специфичная профессия... – она ненадолго задумалась, в попытках смягчить характеристику. – В общем, его профессия связана с археологией.

Богдан ослепительно улыбнулся и уточнил:

– Ищу и скупаю древности с целью наживы.

Гости заулыбались, кто-то даже расхохотался, сочтя его уточнение остроумной шуткой. Предположить, что это чистая правда не мог ни один из них.

Нинель Николаевна обняла Элину и продолжила:

– Близкий мне человек – Элина Коган. Она долгое время жила в Израиле, куда переехала с отцом. Работала следователем в израильской военной прокуратуре, потом возвратилась в Москву.

Закончив, Нинель Николаевна представила остальных гостей, последним из которых оказался седой старец по фамилии Навикас. Из-за своей поразительной худобы он был похож на экспонат анатомического музея. Морщины глубоко прочертили его лицо, седые жидкие волосы тонкой паутиной покрыли несоразмерно большую голову. Одет он был нарочито изысканно, с каким-то особенным европейским шиком. Цветастый галстук-бабочка был до того ярким, что заставлял получше присмотреться к этому необычному человеку.

Фамилия старца показалась знакомой. Спросив его имя и отчество, Элина услышала:

– Артур Янович.

Сверившись с записью, полученной в обществе коллекционеров, она притихла и стала с нетерпением ждать окончания ужина. Во время десерта незаметно проскользнула на балкон. Там набрала на телефоне номер эксперта по письмам времен наполеоновской войны.

Сквозь тюлевый занавес Элина увидела, как Артур Янович Навикас достал телефон и поднес его к уху.

Одновременно с этим в ее трубке прозвучал дребезжащий старческий голос:

– Кто это?

Элина дала отбой и выждала несколько минут, пока не восстановится дыхание. Потом оценила ситуацию и сделала вывод – такой шанс упускать нельзя. В истории со старинной открыткой было нечто, что тревожило и будоражило ее воображение.

Казалось, что Элине эта открытка? Кусочек плотной бумаги с текстом и безвкусной гравюрой. Но внутренним чутьем она понимала, что за открыткой кроется тайна. А тайны никогда не оставляли ее равнодушной.

Вернувшись за стол, Элина искоса наблюдала за стариком, и в какой-то момент наткнулась на встревоженный взгляд Богдана:

– Что с тобой?

Элина склонилась к нему и заговорила сдавленным голосом:

– Только не смотри в его сторону. Видишь вон того старика, что сидит около Нинель Николаевны?

– Пока не вижу. – Прошептал он. – Ты же сама сказала не смотреть на него.

– Так вот он и есть тот самый эксперт Навикас, чей телефон дал менеджер из Общества коллекционеров.

– Да, ну... – Богдан обернулся и посмотрел на старика. – Так не бывает.

– Я же сказала, не смотри. – Прошипела Элина.

– Что собираешься делать?

– Как только он выйдет из-за стола, подойду к нему и покажу открытку.

– Зачем? – вяло спросил Богдан.

– Затем, что надо.

– Зачем? – повторил болгарин, и Элина буркнула невпопад или, скорее, из вредности:

– Тебя не спросила!

В конце застолья, после десерта и сладких ликеров, гости разбрелись по комнатам огромной профессорской квартиры. Навикас сидел в библиотеке и попыхивал сигарой. Он жестом пригласил Элину и Богдана расположиться в соседних креслах.

– Хотелось бы с вами поговорить... – начала Элина.
– Охотно поддержу любую беседу. Коньяк и сигара очень располагают. – Любезно ответил Артур Янович.

Элина продолжила:

– Если я в чем-то ошибусь, вы поправьте.

– Да-да, слушаю вас. – Старик выпустил дым.

– По роду своей деятельности вы изучаете письма наполеоновских солдат. Не так ли? – спросила она.

– Трактовка чрезвычайно узкая, но можно сказать и так. – Согласившись, он и с любопытством осведомился: – Откуда вам это известно? Кажется, представляя меня, Нинель Николаевна об этом не говорила.

– Видите ли, – Элина кивнула в сторону Богдана. – Мы были в Обществе коллекционеров и нам порекомендовали обратиться к вам.

– Что-то я не пойму, – старик покрутил головой. – Здесь вы как оказались? – он замолчал в ожидании ответа, и Элина ответила:

– Случайно.

– Теперь понимаю, – Навикас рассмеялся, после чего закашлялся и спросил: – Это вы недавно молчали в трубку?

– Да. – Призналась Элина. – Проверяла, вы это или не вы.

– Я. – Артур Янович пыхнул сигаретой. – О чем пойдет разговор?

Элина вынула из сумочки старинную открытку:

– Взгляните.

Достав из нагрудного кармана очки в золотой оправе, старик взял у нее открытку и от неожиданности вскрикнул:

– Откуда это у вас?!

– Досталась по чистой случайности.

– Хотелось бы подробнее! – в его голосе прозвучали требовательные, строгие нотки.

– С чего это вдруг вы допрашиваете ее? – Гневно спросил Богдан.

– Я знаком с владельцем этой открытки! Два дня назад, на встрече коллекционеров я дал ему свое экспертное заключение.

– Дело в том... – Элина запнулась, но все же договорила: – Хозяин открытки мертв.

– Боже мой, какое несчастье! – Трагически воскликнул Навикас. – Бедный Иосиф Илларионович! Как это случилось?

– Выпал из окна своей квартиры.

– Самоубийство?.. – старик категорично замотал головой. – Не может быть! Он был не из тех людей, которые на такое способны. Файнберг ценил жизнь и ни за что бы не расстался с ней добровольно.

– В этом разберется полиция. – Сказала Элина.

– И, все-таки, как открытка попала к вам?

– Файнберг обронил ее в такси, а я села в машину после него...

– Дальше не продолжайте, я понял. И как вы намерены ею распорядиться?

– Отошлю жене Файнберга в Варшаву.

Артур Янович с готовностью поправил пальцем очки:

– Что вы хотите от меня?

– Перескажите нам то, что вы сообщили Файнбергу на встрече филателистов.

Чуть помолчав, старик покрутил открытку в руках и осведомился:

– Надеюсь, вы понимаете, что скорее всего это подделка? Да и открыткой этот документ мы можем назвать с большой натяжкой.

– Из чего это следует? – Богдан заинтересованно придвинулся ближе.

– В тексте обозначена дата – ноябрь 1812 года. В те времена Открытых писем еще не было. По крайней мере в широком доступе. Они появились гораздо позже, в 1869 году в Австро-Венгерской империи. Но, если рассуждать строго научно, по факту, в конце восемнадцатого века во Франции имелся весьма ограниченный оборот поздравительных гравированных карточек, автором которых был гравер по имени Демезон. Его изобретение подхватил француз Шоффар, далее, англичанин Добсон. Но это были преимущественно рождественские поздравления, позднее к ним добавились валентинки. – Навикас указал на раскрашенную гравюру: – Здесь, как видите, ни то, ни другое.

– Не факт, что эта открытка не принадлежит Демезону или тому же Шоффару. – Сказал Богдан.

Артур Янович хохотнул и похлопал его по руке.

– Факт, голубчик. Доказанный факт. Те открытки просто не сохранились.

– Но эта может быть первой, – робко возразила Элина.

– В российских архивах хранится более трехсот писем наполеоновских солдат и офицеров. И все они датируются в основном сентябрем – декабрем 1812 года, когда коммуникации французской армии прерывались, а почтовые эстафеты перехватывались.

Элина вспомнила разговор с Карасевым и попыталась уточнить детали.

– Если бы открытка была отправлена по официальным каналам, на ней бы стоял почтовый штамп Великой армии. Ведь так? Но здесь его нет.

– Будь это подлинник, то возможны три варианта. Первый: открытка не была отправлена и попала в чужие руки на территории России. Второе: она могла быть отправлена с оказией, чтобы избежать военной цензуры. Однако в таком случае адрес, как правило, не писали – доверенный человек знал, кому ее вручить. Третий вариант самый правдоподобный, открытка переправлялась в конверте.

– Если отправляли в конверте, зачем же было писать адрес и имя получателя на самой открытке? – возразила Элина.

– Возможно, открытку отправил не тот, кто ее написал. – Навикас взгляделся в текст: – И, кстати, имя отправителя написано неразборчиво. Не то Шаброль, не то Шарби. А вот имя определенно Мишель.

– Расскажите, каким был обычный формат писем того времени?

– В боевых условиях, из-за недостатка бумаги, письма писались на любых клочках, но большинство написано на половине листа формата А4, сложенном пополам. Таким образом для текста оставались 3 страницы в четверть формата. На четвертом писался адрес.

За увлекательным разговором никто из них не заметил, что в библиотеку вошла Нинель Николаевна, а с ней – ее муж профессор Астахов.

– Мы вас потеряли. – Сказал Федор Павлович. Приблизившись, он вдруг заинтересовался открыткой. – Дайте-ка посмотреть! Да это же мой обожаемый французский!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.